

Джалаладдин
РУМИ



Суфийские притчи
в поэтическом переводе
Дмитрия Щедровицкого

Джалаладдин Руми

Дорога превращений

суфийские притчи



составление, перевод,
религиозно-философский комментарий

Дмитрия Щедровицкого

этико-психологический комментарий

Марка Хаткевича

5-е издание (электронное)

Москва
«Теревинф»
2015

УДК 821.222.1(081)
ББК 84(5Ирн)4я44
Р86

Руми, Джалаладдин

Р86 Дорога превращений [Электронный ресурс] : суфийские притчи / Руми Джалаладдин ; сост., пер. [фарси], религиоз.-филол. коммент. Д. Щедровицкого ; этико-психолог. коммент. Марка Хаткевича. – 5-е изд. (эл.). – Электрон. текстовые дан. (1 файл pdf : 385 с.). – М. : Теревинф, 2015. – Систем. требования: Adobe Reader XI ; экран 10".

ISBN 978-5-4212-0309-4

Новый поэтический перевод суфийских притч из всемирно известной поэмы Руми «Маснави» сопровождается комментариями мистического и психологического характера. Многие притчи переведены впервые.

УДК 821.222.1(081)
ББК 84(5Ирн)4я44

Деривативное электронное издание на основе печатного издания: Дорога превращений : суфийские притчи / Джалаладдин Руми ; сост., пер. [фарси], религиоз.-филол. коммент. Дмитрия Щедровицкого ; этико-психолог. коммент. Марка Хаткевича. — 5-е изд. — М. : Теревинф, 2015. — 380 с. — ISBN 978-5-4212-0222-6

В соответствии со ст. 1299 и 1301 ГК РФ при устранении ограничений, установленных техническими средствами защиты авторских прав, правообладатель вправе требовать от нарушителя возмещения убытков или выплаты компенсации

ISBN 978-5-4212-0309-4

© Д. В. Щедровицкий, перевод, 2007
© «Теревинф», оформление, 2015



Содержание

8 Особую тайну хранит мой рассказ... (вступительная статья)

28 Стихи Руми (из «Дивана Шамса Табризского»)

Я, словно сокол, в этот мир с руки Царя слетел.....	31
Услыште, любящие прах: любовью вечной я горю!..	31
О люди всех эпох и мест, что о себе скажу я вам?..	33
В Мекку путь свой направляет мусульманин-пилигрим	35
О молящиеся! Бога не вмещает небосвод..	35
В радостный час — наедине мы были вдвоем..	37
Только тело погибает, а душа живет, светла..	39
Из «Песни ная»	39

44 Притчи Руми

I. Неспособные к обучению	47
Татуировка	47
Косой слуга	51
Глухой посещает больного	53
Корзина песка	57
Ответ Лейлы	61
Узник-обжора	63
Обморок	69
Сторож	71
Собака бедуина	73
Дурак и медведь	77
Старческий недуг	81
Вор-барабанщик	83
Клятва пса	83



Испуг	85
Лицом к хвосту	87
Певец	87
Лиса, лев и осел	89
Три совета	97

II. Угрозы нерадивым 101

Дракон	101
Обет дервиша	105
Украденный баран	107
Поучение аскета	109
Три рыбы	111
Жаба и хомяк	115
Мулла и медведь	119
Свидание	119
Старуха и сокол	123

III. Невнимательные ученики 125

Пахарь и лев	125
Парфюмер и попугай	125
Пожар	129
Репейник	131
Четверо индийцев	133
Ответ ювелира	135
Глиняные гирыки	137
Подражание	141
Суфий, осел и прислужник	143
Новолуние	147
Покупка дома	149
Проданный осел	149
Женитьба шута	155
Пес и слепец	155
Ужасный наездник	157
Горный козел	157
Верблюд и мул	159
Гостеприимство	161
Стихи о любви	163



IV. Лжеучители 165

Большая чалма	165
Воющий муэдзин	167
Суфий, судья и сейид	171
Предопределение	175
Горожанин и сельчанин	177
Шакал, ставший павлином	183
Посол Луны	185
Поэт и визирь	187
Молитва лицемера	193
Сообщник вора	193
Болезнь учителя	195
Сокол и утки	201
Борода	203
Муха-капитан	203

V. Достойные мюриды 205

Разрушение башни	205
Просьба попугая	207
Кольчуга Давида	213
Охота	215
Юный полководец	219
Раб Сонкур	219
Царь и мудрец	223

VI. Уроки в медресе 225

Побег от смерти	225
Шах и мат	227
Безнадежный больной	229
Похороны отца	233
Султан и воры	235
Лунное полотно	239
Ядущий и ядомый	239
Судьба	239
Два барабана	241
Суфий и его жена	243



Халиф Омар и вор	247
Совет врага	247
Жемчужина	251
Скупец	255
Воин и портной	257
Спор супругов	261
Сторож и пьяница	263
Верблюд, баран и вол	265
Мусульманин и зороастриец	267
Шах и законник	269
Плод жизни	273

VII. Методы преподавания275

Изгнание змеи	275
Названия винограда	279
Осел и репейник	281
Мышь и верблюд	283
Суфии и порожняя сума	285
Молитва за злых	287
Кусочек сала	289
Изумление	291
Пощечина	293
Побой	293
Дикобраз	295
Осел и кони	297
Мясо и кот	299
Украденная змея	301
Клад	303
Царь и рабыня	307
Зу-Н-Нун	311
Халва	313

VIII. Экзамены317

Фасолина	317
Два невольника	319
Капитан и книжник	325
Состязание между ромеями и китайцами	327



Царь Соломон и удод	329
Мотылек и ветер	333
Набег огузов	335
О Лукмане и его сотоварищах	337
Мудрец Лукман	339

IX. Цель обучения 343

Слон	343
Древо Бессмертия	345
Башмак Пророка	351
Сомнения судьбы	353
Близость	355
Меджнун и собака	357
Любовь Меджнуна	359
Ищу Человека	361
Лучшее в мире место	361

X. Шейх 363

Иисус	363
Сокол среди сов	365
Царский слуга	367
Муравей	369
Попугай и зеркало	371
Индиец и святой	371
Я и Ты	373

374 Глоссарий

*Особую тайну хранит
мой рассказ...*





1

Тарикат — суфийский Путь



...А что до мысли — от ее игры
Порой зависят целые миры!

*Руми, из притчи
«Два невольника»¹*

*Особую тайну
хранит
мой рассказ...*



возникновение религиозно-мистического движения суфиев (араб. тасаввуф — возможно, от «суф» — шерсть, власяница как одежда аскетов, но скорее от греч. «софия» — мудрость; известны и другие этимологии) принято приурочивать к VIII веку, когда Ислам распространялся по обширным пространствам Азии, Африки и отчасти Европы. Зачатки суфизма некоторые исследователи прослеживают уже в VII веке, связывая их с окружением самого Пророка Мухаммада, в т.ч. с его знаменитым зятем Али.

Но существует и другая точка зрения, согласно которой основы суфизма восходят к гораздо более ранним временам человеческой истории. Ряд его признаков прослеживается в культурных традициях, существовавших за тысячелетия до Ислама. Среди самих суфиев популярно изречение: «Наши отцы (т.е. ранние суфии) пили вино (символ экстатического Богопознания) еще до того, как Ной насадил виноградную лозу».

В суфизме, несомненно, присутствуют элементы наследия самых разных религиозных и мистико-экстатических систем человечества: иудейской каббалы и раннехристианского гностицизма, зороастрийской этики и индуистской теологии... Наблюдаются даже связи между некоторыми поло-

¹ Здесь и далее — стихотворные переводы Д. Щедровицкого.



жениями суфизма и представлениями древних египтян и жителей Месопотамии о сути и смысле бытия. Однако все теоретические построения суфиев и вся их духовная практика подчинены концепции строгого Единобожия (*Ат-Таухид* — Единство [Бога]) и идее поэтапного восхождения бессмертного человеческого духа к единению с Творцом.

Это и есть суфийский Путь — *тарикат*, который ученик (*мурид*) проходит под руководством своего учителя-духовидца (*шейха*). *Тарикату* предшествует предварительная часть пути — *шариат*, скрупулезное следование всем этическим и обрядовым предписаниям мусульманского вероучения. А сам *тарикат* возводит адепта на уровень, именуемый *Хакикат* (Истина): здесь достигается непосредственное, интуитивное, Богопознание, связанное с духовным прозрением, и начинается жизнь, исполненная откровений свыше...

В своем обычном, «невозрожденном», состоянии человек рассматривается суфиями как «мертвый» или «спящий» по отношению к духовному миру, поскольку он отчужден от Бога и нечувствителен к тонким воздействиям незримых, высших, миров. Для своего «воскрешения» или «пробуждения» он должен пройти ряд ступеней и приобрести определенные устойчивые внутренние состояния на стезях *тариката*. Последовательность духовных ступеней, или макама (мест, стоянок), согласно нормативным суфийским представлениям, следующая: тауба (покаяние), вара (воздержание), зухд (отречение), таваккул (упование), факр (нищета), сабр (терпение), шукр (благодарность) — и, как итог, рида (удовлетворенность).

Среди внутренних состояний (*хал*), постепенно достигаемых адептом, обычно упоминаются курб (близость [к Богу]), махабба (любовь), хауф (благоговение), раджа (надежда), шаук (страсть), унс (доверие), итманина (покой), мушахада (свидетельство), и, наконец, йакин (утвержденность, уверенность). Существуют и другие варианты описаний Пути.

Важно, что помимо практики постепенного достижения все более высоких уровней общения со Всевышним в суфизме существует и возможность «мгновенного» прохождения некоторых стадий Пути с помощью вспыхнувшей в сердце подлинной любви к Богу. Она может проявляться одновременно и как любовь к определенному человеку (часто — на-



ставнику или собрату по общим мистическим исканиям), составляя с этой последней одно целое.

Вообще, любовь (махабба), по мнению многих суфиев, является наивысшим состоянием человека, приводящим к единению между любящим и Возлюбленным. Подобное же учение содержится в Новом Завете, где оно представлено как обобщение заповедей Торы: «...Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя...» (Матф. 22, 37–39; ср. Втор. 6, 4–5 и Лев. 19, 18); см. также: «...Не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит? И мы имеем от Него такую заповедь, чтобы любящий Бога любил и брата своего» (I Иоан. 4, 20–21).

Тема всеохватной духовной любви, возвращающей душу в лоно Божие, а все множество творений — к единению с Творцом, лаконично выражена в притче Руми «Я и Ты»:

...Теперь ты понял тайну бытия:
С твоею сущью слита суть Моя!

Ты — это Я. Теперь вопрос решен:
Неразделимы корень и бутон!

...Итак, суфизм можно рассматривать как синтез ряда более ранних учений о любви к Богу и восхождению к Нему посредством духовного самосовершенствования. Эти учения, развивавшиеся в различных религиозно-мистических традициях, получили догматическую завершенность в рамках Ислама.

Большое влияние оказал суфизм и на развитие некоторых идей и направлений христианской цивилизации, особенно начиная с эпохи Ренессанса. Отголоски влияния суфиев можно наблюдать, например, в проповеди Франциска Ассизского, а также в русском «духовном Христианстве» (т.н. Христововерии). Определенные черты суфийского мировоззрения прослеживаются в творчестве столь многих европейских писателей и поэтов — от Данте до Блейка и Андерсена, — что трудно перечислить все их имена. В русской поэзии, например, влияние суфизма в различной степени ощущается в творчестве Пушкина, Тютчева, Фета, Блока, Куз-

*Особую тайну
хранит
мой рассказ...*

мина, Клюева. Следует заметить, что, если одни европейские писатели глубоко проникались суфийским мировоззрением, то другие использовали в своем творчестве только некоторые идеи и образы суфизма.

Что же касается непосредственно мусульманских суфийских авторов, то к ним относятся величайшие мыслители и поэты исламского мира, писавшие по-арабски, на фарси, на тюркских и некоторых других языках: это такие гении Средневековья, как Аттар, Санайи, Аль-Газали, Омар Хайям, Саади, Джами, Навои, Ибн-Сина, Низами, Насими, Ибн аль-Араби, Ибн аль-Фарид, Хафиз, Юнус Эмре и ряд других. Из авторов XX века в этой связи можно для примера упомянуть хотя бы Мухаммада Икбала, Джебрана Халиля Джебрана и выдающегося популяризатора суфизма Идриса Шаха.

К суфизму принадлежали и некоторые из великих иудейских средневековых мистиков и поэтов, в том числе Иегуда Галеви, Моисей Ибн-Эзра, Соломон Ибн-Габироль.

Одна из составляющих суфийского мировоззрения — утверждение полноправия различных религиозных учений человечества, каждое из которых по-своему отражает Единую Истину. Такой взгляд сближает людей разных вер, уничтожает вражду и недоверие между ними, делает любовь к ближнему поистине всечеловеческой.

Эта точка зрения изложена, например, Омаром Ибн аль-Фаридом (1181–1235 гг.) в его поэме «Стезя праведного». В ней от лица Бога приводятся такие слова:

Не без Моей всеильной воли неверный повязал «зуннар» —
Но снова снял, не носит боле, с тех пор как истину узнал.

И, если образ благостыни в мечетях часто Я являл,
То и Евангельской святыни Я никогда не оставлял.

Не упразднил я Книгу Торы, что дал евреям Моисей, —
Ту Книгу мудрых, над которой не спят в течение ночи всей.

И, коль язычник перед камнем мольбу сердечную излил,
Не сомневайся в самом главном: что Мною он услышан был...

Известно правое Ученье повсюду, веку испокон,
Имеет высшее значенье любой обряд, любой закон.



Нет ни одной на свете веры, что к заблуждению ведет,
И в каждой — святости примеры прилежно ищущий найдет.

И тот, кто молится светилу, не заблудился до конца:
Оно ведь отблеск сохранило сиянья Моего лица!

И гебр, боготворивший пламя, что тысячу горело лет,
Благими подтверждал делами, что, сам не зная, чтит Мой Свет:

Блистанье Истинного Света его душа узреть смогла,
Но, теплотой его согрета, его за пламя приняла...

Вселенной тайны Мною скрыты, их возвещать Я не хочу,
И мира зримого защита — в том, что о тайнах Я молчу.

Ведь нет такой на свете твари, что высшей цели лишена,
Хотя за жизнь свою едва ли о том помыслит хоть одна!..

*Особую тайну
хранит
мой рассказ...*

Та же мысль аллегорически высказывается и в притче «Названия винограда», повествующей о ссоре четырех разноязычных друзей (олицетворяющих разные религии), каждый из которых, мечтая купить виноград, дает ему название на собственном языке:

...Вот так друзья, не вникнув, что и как,
Доходят до раздоров и до драк.

Из них был каждый разуменьем слаб:
Слова «ангур», «узум», «стафилъ», «айнаб» —

Суть просто винограда имена,
Но меж друзьями вспыхнула война!..

...О, если б тот вмешался в злобный спор,
Кто мыслью прозорлив и делом скор!

Он бы сказал: «Монету дайте мне,
Поверьте моей честной седине:

Я вам с базара принесу сейчас
То, что желанно каждому из вас!..»



...Тогда бы вмиг закончилась война:
Слова различны — суть у них одна,

Но может только истинный мудрец
Нелепым спорам положить конец!

Автор этой притчи — Джалаладдин Руми. Его имя и наследие вот уже почти восемь веков окружены глубоким почитанием и вызывают горячую любовь — не только у суфиев, но и во всем мире...



2

Жизнь Шейха



Ломай же преграду, что нам не дает
Коснуться потока Божественных вод!
Руми, притча «Разрушение башни»

*Особую тайну
хранит
мой рассказ...*



еликий Учитель Джалаладдин Руми, несравненный суфийский проповедник, тончайший поэт, наставник душ в Божественной Истине, родился 800 лет назад, в 1207 году, в городе Балхе (Афганистан).

Корни его семьи по отцу, Бахауддину Мухаммаду Валаду, известному богослову, восходят к халифу Али и Фатиме — дочери Пророка Мухаммада. Мать Руми была из рода шахов — властителей Балха. Псевдоним Руми, под которым Джалаладдин прославился на века, означает «житель Рума», т.е. Малой Азии, до мусульманского завоевания входившей в состав Византии, — земли «ромеев» (т.е. римлян). В малоазийский город Конью семья маленького Джалаладдина переселилась незадолго перед нашествием на Среднюю Азию полчищ Чингисхана.

Согласно преданиям, вошедшим в книгу «Сто рассказов мудрости» (своеобразное «житие» Руми), чудеса, сверхъестественные явления, встречи с духами и людьми — посланцами высших миров — сопровождали жизнь Джалаладдина с самого детства. Одной из важнейших таких встреч, ставшей своего рода духовной инициацией мальчика, было посещение его семьей возвышенного суфийского *шейха* и поэта Фаридуддина Аттара в городе Нишапуре (Иран). Духовидец Аттар узрел в маленьком Джалаладдине своего преемника, будущего наставника всех суфиев, и подарил ему свою мистическую поэму «Асрар-намэ» — «Книгу сокровищ». Свой дар Аттар сопровождал особым благословением (барака),



которое помогает раскрыть в человеке духовные «каналы», делает его способным воспринимать откровения свыше. Отцу Джалаладдина Аттар пророчески предрек: «Твой сын зажжет на земле огонь восторженного служения Богу» (ср. слова Иисуса Христа в Евангелии от Луки: «Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!» — Лук. 12, 49).

В Конье Джалаладдин, под руководством отца и других наставников, изучал основы мусульманской теологии и правовередения, а также теорию и практику суфизма. Завершив свое образование в исламских академиях Дамаска и Алеппо, он после кончины отца стал главным проповедником в Конье, унаследовав место главы медресе (духовного училища) и приобретя множество учеников и последователей.

Величайшее озарение светом Высшей Истины произошло в жизни Руми при появлении в Конье странствующего *шейха* Шамсуддина Тебризского. Встреча этих двух мистиков-прозорливцев состоялась 26 ноября 1244 года, когда Руми было 37 лет. Однако сам он считал дату их знакомства днем своего нового — духовного — рождения. Действительно, после этой встречи внутренний мир Руми чудесным образом обновился. Джалаладдин стал непревзойденным Учителем, выражающим свой уникальный «горный опыт» в общедоступных стихах и притчах. Он стал великим Учителем-Поэтом...

...Дервиш Шамсуддин Тебризский подстерег на городском перекрестке процессию учеников во главе с восседавшим на муле Руми. Он властно схватил животное за поводья и, глядя прямо в лицо Джалаладину, спросил: «О ты, испытующий пробу золота невидимых миров! Скажи мне: кто выше — Пророк Мухаммад или же Абу-Йазид Бистами?» (Бистами был оригинальным суфийским мыслителем, пролагавшим в IX веке новые стези Богопознания). Руми без промедления ответил: «Разумеется, Пророк Мухаммад! Ведь именно он — Предводитель каравана праведников, путешествующего к Небесам!» Но Шамсуддин парировал: «Отчего же тогда Пророк Мухаммад только просил Бога „излить на него Свой Свет“, в то время как Абу-Йазид восклицал: „Прославлен я, и сияю наивысшим сиянием“?»

Погрузившись во внутреннее созерцание, Руми спустя какое-то время ответил: «Абу-Йазид Бистами поднялся на не-



которую духовную ступень — и опьянел от ее сияния, ибо мал был просвет в его сердце, способный впустить луч Божества. Вот и решил он, что достиг наивысшего совершенства! Но Пророк Мухаммад постоянно переходил со ступени на ступень, зная бесконечность Восхождения и безмерность Божьей любви! Вот почему свет, доступный ему ранее, при каждом новом восхождении уже казался ему недостаточным, и просил он вновь и вновь: «Излей на меня Свой свет!..»

Различные предания несколько расходятся в подробностях этого уникального диалога: согласно одному из них, Шамсуддин, услышав ответ Руми, потерял сознание от нестерпимого света Откровения, озарившего его; согласно же другому — сам Руми впал на время в беспамятство от внезапного вопроса Шамсуддина, и лишь потом, в экстазе постигнув Истину, отвечал ему... Впрочем, оба предания сходятся в одном: существуют Высшие Идеи, соприкоснувшись с которыми, душа воспаряет столь высоко, что телесная природа человека потрясается до основания...

Особую тайну хранит мой рассказ...

...С этого дня Руми и Шамс (сокращенное имя дервиша, своим появлением озарившего душу Руми, означает «солнце») были неразлучны в любви и познании, как бы составляя единого Человека. Поистине, оба они в миг своей встречи испытали сопричастность Сути Бытия и вкусили восторг, превышающий все земное. Шамс стал наставником и спутником Руми на том Пути к Источнику Жизни, который невыразим словами...

На время прекратились проповеди Джалаладдина в медресе и мечети и ученики остались без его уроков — ведь он сам превратился из обучающего в обучаемого, постигая азы Горнего Знания, внимая своему «Солнцу жизни», как именовал он Шамса. А когда Руми возвратился к преподаванию — преобразились и суть, и форма его наставлений. Он обучал теперь непосредственному постижению Истины — через собственный живой пример, а также посредством притч. Он основал орден Маулавия — братство «танцующих дервишей», постигающих Тайну бытия через экстатическую радость, песню и танец, восходя на высоты поэзии и вникая в глубины мудрости.

Недолго, всего около трех лет, длилось земное общение Руми с Шамсом. Фанатичные, настроенные против суфийских «свобод», ортодоксы-догматики, а также многочислен-



ные завистники не осмеливались поднять руку на самого Руми, поскольку он пользовался покровительством властей. Но они составили заговор против Шамса и надеялись духовно погубить Руми, разлучив его с возлюбленным наставником и другом. В 1247 году Шамс навсегда исчез с земного плана бытия — по некоторым сведениям, он был убит теми самыми «сынами тьмы», для которых яркий свет Богопознания и любви к ближнему непереносим в любую эпоху. Однако тело Шамса так и не было найдено...

Руми какое-то время оставался безутешным, разыскивая Шамса в разных краях. Но затем свершилось чудо: Джалаладдин ощутил, что душа Шамса вселилась в него самого, что отныне в одном теле неразлучно обитают две души!.. Несравненные по силе мысли и глубине чувства стихи потекли теперь из-под калама (тростникового пера) Джалаладдина, и подписывались они именем Шамса! Даже сам почерк Руми стал теперь неотличим от почерка Шамсуддина, который как бы сделал друга — свое alter ego — тем духовным каналом, через который мог отныне проводить в мир свои идеи, воплощать свое поэтическое мировидение.

На этом новом, самом интенсивном по степени самовыражения, этапе своей жизни Руми создает все то, что сохранило его имя на века. Он окончательно формирует дервишское братство Маулавия, устанавливает для него чин своеобразных «радений» — медитативно-экстатических собраний, сопровождаемых декламацией стихов самого Руми, игрой на *нае* — тростниковой флейте, пением и танцами. В таком виде братство Маулавия существует и по сей день. Он пишет грандиозную по духовной проникновенности и поэтическим достоинствам поэму «Маснави-йи-манави» («Парные строки с тайным подтекстом», или «Двустихия с намеками на незримое»), состоящую из более 25 тысяч бейтов (двустихий). Сочинение поэмы заняло около 12 лет, завершившись в 1272 году. Он создает вдохновенное собрание стихов «Диван-и-Шамс» — «Поэтический сборник Шамса», или «Диван Шамса Табризского», в котором около 30 тысяч бейтов. Творения Руми, относимые к прозаическим лишь условно (проза в них часто перемежается со стихами или имеет ритмический характер), — это «Поучения» (собрание философско-мистических проповедей), «Послания» (сборник писем, обращенных к различным адресатам), а также свод его изре-



чений «Фихи-ма-Фихи» («Здесь то, что здесь (есть)»), составленный впоследствии сыном Джалаладдина — Султаном Веледом. Последнее произведение соотносится с «Маснави», многое поясняя в этой поэме.

Таков, вкратце, перечень «трудов и дней» Джалаладдина Руми, окончившего свой земной путь в 1273 году, но живущего в сердцах миллионов своих последователей и почитателей и теперь — спустя восемь веков...



*Особую тайну
хранит
мой рассказ...*

Притчи как форма обучения



Чтоб стал твой мир прозрачен и лучист —
Ты сердце, словно зеркало, очисти!

Руми, из притчи «Ромеи и китайцы»



Центральное место в творчестве Руми принадлежит идее об Учении как таковом. Сама земная жизнь рассматривается им как способ систематического обучения человеческих душ Высшей Истине, причем каждая душа воспринимает Учение на доступном ей уровне и в отведенных ей границах. При этом «медресе» (учебным заведением) является весь наш мир; временем, отведенным на урок, — человеческая жизнь; учебными пособиями — все обстоятельства, встречи, предметы и живые существа, сопровождающие наше бытие; экзаменами — испытания и искушения, нас постигающие... Учителем же, разумеется, является Сам Создатель.

Именно такое истолкование суфийских истин характерно для всех произведений Руми, и прежде всего для «Маснави» — его главного вдохновенного труда, рассматриваемого многими поколениями эзотериков Ислама как своего рода «персидский Коран» (или «Писание на языке фарси»). Здесь последовательно излагаются различные постулаты, идеи, откровения суфизма, которые обосновываются кораническими цитатами и хадисами (примерами из жизни Пророка Мухаммада), а также иллюстрируются яркими притчами и завершаются мудрыми назиданиями.

Из этого огромного текста (примерно вдвое превышающего объемом «Божественную Комедию» Данте) для нашей книги выбраны только притчи, наглядно иллюстрирующие



духовные рассуждения. Происхождение этих притч самое различное. Одни из них взяты из общечеловеческих фольклорных источников и восходят к «бродячим» — архетипическим и мифологическим — сюжетам. Другие связаны с темами различных национальных эпосов и сборников назидательных рассказов. Особенно часто привлекаются образы древнеиранского эпоса, воспроизведенного в «Шахнамэ» Фирдоуси, и индийской «Панчатантры», известной в мусульманском мире как «Калила и Димна». Истоки некоторых притч прослеживаются в религиозной литературе (сюжеты библейского и коранического происхождения, мусульманские хадисы, иудейские мидраши, христианские апокрифы). Отдельные сюжеты заимствованы из более ранних суфийских источников (например, поэм и отдельных стихотворений Санаи и Атгара). Встречаются здесь и истории, придуманные самим Руми... Перечень источников отдельных притч можно было бы продолжить. Сам Руми инсказательно изображает совокупность сюжетов мирового фольклора в виде «Древа Знания»:

...Меж тем в сказаньях, притчах всех широт
О Древе Знанья говорит народ.

Оно повсюду ветви простирает
И познающих светом озаряет,

Да я и сам, насколько было сил,
Узрел его и плод его вкусил...

(Из притчи «Древо Бессмертия»)

Исследователи до сих пор спорят о том, имеет ли поэма «Маснави» в своей основе единый (хотя порой и трудно прослеживаемый) план или же представляет собой грандиозный ряд интеллектуально-эмоциональных «вспышек сознания» поэта, его мгновенных экстатических прозрений и откровений. Сами же притчи, изъятые из контекста поэмы Руми и получившие самостоятельное значение, обычно располагаются в сборниках (как в оригинале, так и в различных переводах) в последовательности, заданной самой поэмой. Мы же решили расположить их тематически, по разделам,

*Особую тайну
хранит
мой рассказ...*



отражающим различные аспекты воспитания душ, подчеркнув тем самым главное направление мысли Руми — его учение о жизни как Великой Школе.

Отдельные притчи, особенно включающие в себя ряд отступлений, в нашем переводе подверглись сокращениям: увы, современный читатель редко обладает тем поистине неисчерпаемым запасом свободного времени и терпения, который характеризовал благословенного средневекового книгочея — любителя подробности, смакователя детали...

Каждой притче сопутствуют пояснения религиозно-философского характера, принадлежащие переводчику. Многие притчи сопровождаются также этико-психологическим комментарием, автор которого — Марк Хаткевич — уже выступал в качестве соавтора нашей предыдущей книги на данную тему «Джалаладдин Руми и суфийская традиция» (Антология гуманной педагогики. — М.: Издательский дом Шалвы Амонашвили, 2000). Тексты, принадлежащие Марку Хаткевичу, помечены инициалами «М. Х.».

О суфизме — теории и практике духовного восхождения человека к Богу — сказано очень много в разные века и на разных языках. За последние годы в нашей стране издано немало книг, трактующих как суфийское Учение в целом, так и различные его аспекты, исторические связи, периоды развития, направления, школы...

Наша же цель — помочь читателю исполнить совет самого Руми:

...Раздвинь завесу плотского ума —
И воссияет Истина сама!

(Из притчи «Муравей»)

Д. Щедровицкий



Главное сокровище суфиев



психология суфизма теснейшим образом связана с педагогикой. Представление о человеке как о разумном духе, чья цель — преодолеть низшую, животную, природу и взойти на следующую — «ангельскую» — ступень (ср. у Руми: «...И разумным человеком ты предстал не навсегда: // Эта глина не навеки вид Адама приняла! // Вскоре Ангелом ты станешь...»), — предопределяет все основные правила хранения и передачи Духовного Знания — главного сокровища суфиев.

По сравнению с материалистической педагогикой нашей современности, которая практически полностью нацелена на укоренение ученика в материальном мире, на приспособление его воли, интеллекта и эмоций к реалиям окружающей жизни, — суфийское обучение имеет противоположную цель. Оно призвано выводить сознание и чувства человека за пределы вещественного мира, укореняя их в высшей, духовной, реальности. Однако же суфийские мастера всегда признавали, что духовное восхождение, которое есть цель мистического обучения, невозможно без предварительной самореализации ученика в земном мире, без овладения множественностью знаний и умений, относящихся к окружающей жизни, без раскрытия всех благих потенций его души. Словом, без всего того, что суфийские мудрецы образно именовали «сверлением жемчужины», разумея под жемчужиной нашу душу, а под вдеваемой в нее нитью — живую связь со всем



*Особую тайну
хранит
мой рассказ...*



мирозданием. Таким образом, обучение, связанное с освоением земного мира, не только не противоречит суфийской педагогике, но и является необходимой «стартовой площадкой» для предстоящих ученику духовных взлетов.

Суфийское обучение должно как бы вырастать из обычного, продолжая его. В свете этого соображения проясняется и подлинный смысл педагогики будущего: готовить человека к его истинному, высшему, предназначению. К тому предназначению, которое по-разному описывают и с разных точек зрения рассматривают все великие религии человечества. А ведь и сама суфийская традиция призывает черпать мудрость не только из мусульманских, но также из христианских, иудейских и других источников религиозных знаний.

В вопросе же «воспитания сердца» великие мировые религии сходятся между собой. Например, в Псалтири цель духовного обучения сформулирована так: «Потеку путем заповедей Твоих, когда Ты расширишь сердце мое» — Пс. 118, 32. Согласно этим словам, сердце, готовясь к служению Богу, должно «расшириться», т.е. объять многих любовью и многое — познанием (в библейской метафорике сердце —местилище не только чувств, но и знаний). В Евангелии говорится о том, как очищенное сердце, из которого прежде исходили «злые помыслы» (Матф. 15, 19), из местилища всевозможных нечистот может превратиться в источник живой воды, которая животворит и самого человека, и окружающий его мир: «Кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой» — Иоан. 7, 18. Коран же свидетельствует о том, что злые помыслы и нечестивые дела страшным образом воздействуют на сердца людей: «Покрыло ржавчиной их сердца то, что они приобрели» (Коран 83, 14, пер. И.Ю. Крачковского).

О том, что сердце, очистившись, призвано стать обителью Бога — Высшей Истины, говорит, отвергая лицемерное, внешнеобрядовое, «служение», и сам Руми:

В сердце Бог живет от века, в нем — Всевышнего чертог!
Поспешите же в храм Владыки, где Он славен и хвалим!..

Именно суфийская традиция в деле воспитания учеников наиболее последовательно опирается на педагогику сердца — педагогику Священного Писания. Некоторые суфии



полагают, что Иисус был основателем первой суфийской общины, а себя считают ее духовными наследниками. В суфийской традиции нашли свое продолжение и обличения тех лицемеров от религии, врагов истинной духовности и приверженцев внешнего обрядоверия, которых осуждал Иисус: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты; так и вы по наружности кажетесь людям праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззакония» (Матф. 23, 27–28). Внешнее, показное совершенство, при котором сердце остается неочищенным, может оказаться даже хуже обыкновенного нечестия.

Как Иисус был гоним поборниками «внешнего благочестия» своего времени, так и суфийские праведники не только терпели от «мусульман по наружности» бесчеловечные гонения, но порой подвергались и жестоким казням (Мансур Халладж, Фазлуллах, Имадеддин Насими и другие). Так же, как и первые христиане (ср.: «В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх... боящийся не совершен в любви» — I Иоан. 4, 18), суфии противопоставляли бескорыстную любовь человека к Богу — страху адских мук и стремлению к райским наградам.

У Руми читаем:

Творец все души озарил, спросив: «Не Я ль вас сотворил?»
И я воскликнул: «Ты, Аллах!» — Любовью вечной я горю!

Служенья ангелы мудры, пред ними в трепете миры,
Моя ж любовь сильнее, чем страх! — Любовью вечной я горю!

А такую строку, как «не страшен мне горящий ад, не жажду райских я наград», воспринимаемую в контексте всего учения о любви к Богу, вслед за Руми мог бы повторить каждый суфийский мыслитель. И действительно, подобные слова встречаются как у предшественников этого величайшего *шейха* поэтов», так и у его последователей.

Если суфийский *шейх* отдавал себе полный отчет в том, что в лице каждого *мурида* ему вверен для наставления бессмертный дух, наделенный безграничными потенциями развития, то его первой и ближайшей целью было — передать уче-

Особую тайну
хранит
мой рассказ...



нику это понимание истинного величия человека. Именно такой цели служили и многие «посвятительные» истории из суфийского прошлого и мистической практики, в том числе и знаменитое повествование о первой встрече Руми с Шамсом и о последующем их духовном единении. Понятно, что подобные истории, входя в плоть и кровь *муриды*, во многом предопределяли и содержание, и форму его будущих общений с братьями по *тарикату*, да и вообще с окружающими людьми.

Согласно суфийской традиции, самые важные чудеса происходят не в сфере вещественных явлений, а в области человеческих отношений, при взаимном раскрытии людей. В семьях суфиев дети посвящались не столько в знания о строении вещества, сколько в «науку» о том, чем человек может стать для другого человека. Таким образом, все психологические и иные знания, приобретенные суфиями, получали практическое воплощение в их жизни. Это относится даже к таким, казалось бы, отвлеченным рассуждениям, как диспут между Руми и Шамсом относительно «превосходства» Пророка Мухаммада или Абу-Йазид Бистами в познании Истины. Для последующих поколений суфиев значение этого диспута сводилось к различению между «прочным» состоянием духа, достигнутым суфием на данном этапе развития (именно о переходе от одного такого состояния к другому говорил Мухаммад), — и озарением свыше, временами посещающим человека (о таком опыте свидетельствовал Абу-Йазид). Озарение свыше может посетить даже того ученика, который достиг невысокой ступени развития, дабы он сумел предощутить те состояния, которые открываются на ступенях гораздо более высоких.

Переводя эти понятия с языка мистики на более обыденный, следует говорить о разнице между ежедневным упорным трудом ради достижения цели — и посещающим человека вдохновением на этом пути (Абу-Йазид). Суфийскому же ученику просто жизненно необходимо различать эти понятия. В то время как материализм внушает своим приверженцам представление о единственности земной жизни, не предполагая какого-либо продолжения духовного восхождения за ее пределами, — религиозная вера (в данном случае суфизм) утверждает, что путь самосовершенствования бесконечен: он продолжается в вечности после смерти земного тела.



В том-то и состоит блаженство, дарованное Богом человеческому духу, что никакое достижение на этом пути не является предельным и завершающим, что за каждой данной ступенью, сколь бы высока и прекрасна она ни была, следует восхождение на новую, еще более возвышенную и радостную ступень. В этом и заключается обетование вечной жизни (т.е. отнюдь не прозябания, а постоянного возобновления и развития), о котором свидетельствуют все великие религии человечества.

В дополнение к этим свидетельствам, суфизм (подобно иудейской каббале, христианскому исихазму и другим эзотерическим направлениям в разных религиях) сообщает о возможности достижения душой вечной жизни — здесь и сейчас. Суфийский путь — это переживание все новых состояний, овладение все новыми формами внутреннего, «сердечного», опыта.

Руми говорит об этом так:

...В тленье празднуя нетленье, от начала бытия
Нас Дорога Превращений в гору Разума вела.

Став из праха — минералом, ты затем взшел травой,
Зверь возник из травной кущи — в нем душа твоя жила...

...Вскоре Ангелом ты станешь, удалившись в горный мир,
И душа стяжает в высях, что внизу не обрела...

М. Хаткевич

*Особую тайну
хранит
мой рассказ...*

Стихи Руми





Из «Дивана Шамса Табризского»



дна из вершин суфийской и мировой поэзии — «Диван Шамса Табризского» — был создан Руми после гибели его духовного наставника и любимого друга, дервиша Шамса. По свидетельству поэта, Шамс после своей смерти слился воедино с личностью самого Руми и, поселившись в его сердце, вдохновлял его на творчество. Поэтому многие стихи «Дивана» подписаны именем не Руми, а Шамса, и созданы от лица последнего — под его «диктовку»: имя Шамса — его «подпись» — заключено в последнем бейте (двустилишии) таких стихотворений. «Диван» — свидетельство всеобъемлющей любви к Богу и человеку, преодолевающей время и пространство, смерть и разлуку и открывающей любящему глубочайшие тайны бытия.

Несколько газелей из «Дивана» мы предпослали притчам из «Маснави», дабы читатель сразу настроился на тот высокий духовно-мистический лад, который в стихах «Дивана» выражен явно, а в большинстве притч присутствует скрытым образом.

*Стихи
Руми*